

себе интересовали его мало. Характеризуя «Житие Иоанна Рыльского», П. С. Динеков пишет: «Евфимий довольствуется весьма общим рассказом, без многочисленных конкретных деталей, даже, в отличие от народных легенд, не связывая место действия с определенным географическим пунктом, избегая также местных географических названий. Отдельные эпизоды, данные без подробностей, послужили поводом для бесконечных обобщений богословско-исихастского характера».²⁷

И в этом отношении Епифаний Премудрый отличается от Евфимия: в его житиях гораздо больше исторических конкретных фактов. Герои Евфимия, их судьба и поступки являются, по существу, предлогом для его риторически-морализирующих рассуждений на темы исихазма, борьбы с ересями. Особенно показательны в этом отношении «Житие Илариона Мегленского», основная часть которого представляет собой противоеретический трактат, а не рассказ о жизни святого. Для Епифания и Стефан, и Сергей — живые люди, которых он к тому же знал лично, поэтому они предстают в его житиях конкретными, живыми людьми. И в тех случаях, когда Епифаний посвящает свой рассказ каким-то конкретным эпизодам из жизни описываемых им святых, эта черта проявляется особенно ярко. В «Житии Сергия», например, живо и выразительно объяснены причины, почему родители Сергия вынуждены были уйти из Ростова, рассказано о начале пустынножительства Сергия и росте его монастыря, в «Житии Стефана» находим насыщенное фактами повествование о его миссионерской деятельности, о борьбе с Памом. Подобных эпизодов, воспроизводящих события действительной жизни, в обоих житиях немало.

Историчность, конкретность во времени с одновременным обобщением того или иного события в житиях Епифания достигается оригинальным приемом, близким к системе народной датировки,²⁸ — обозначением даты по событиям мировой и русской истории. «Когда же се бысть, или в кое время? И недавно, но яко мною от создания миру в лето 6883, в царство Иоана царя греческаго, во Цареграде царствовавшаго, при архиепископе Филофее, патриарсе Костянтина града, в Орде же и в Сарай над татары тогда Мамай царствует, но не вечнует абие, на Руси же при велицем князи Дмитреи Ивановичи, архиепископу же митрополиту не сущу на Руси в ты дни никому же, но ожидающим митрополича пришествия от Царяграда, его же бог дастъ» («Житие Стефана Пермского», стр. 154); «Хошу же сказати времена и лета, в ня же преподобнии родися: в лета благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника самодръжца Гречьскаго, иже в Цари граде царствовавшаго, при архиепископе Коньстянтина града Калисте, патриарсе вселеньском, в земли же Русстеи в княжение великое Тферьское при великом князи Димитрии Михайловиче, при архиепископе пресвященнемъ Петре митрополите всея Руси, егда рать Ахмулова (бе)».²⁹

Характеризуя особенности стиля второго южнославянского влияния, Д. С. Лихачев пишет: «Язык высокой, церковной литературы средневековья обособлен от бытовой речи, и это далеко не случайно. Это — основное условие стиля „высокой“ литературы. „Иной“ язык литературы должен был быть языком приподнятым и в известной мере абстрактным. Привычные ассоциации высокого литературного языка средневековья характерны тем, что они отделены от обыденной речи, возвышены над нею

²⁷ Там же, стр. 63.

²⁸ См.: История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 237.

²⁹ Житие преподобного Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1885, стр. 22. Далее все цитаты из «Жития Сергия» даются по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.